

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

РАЗВОД
САЛЬФОИ.
НЕПОКОРНАЯ
БЫВШАЯ

Павел Лимонов

**Развод с альфой.
Непокорная бывшая**

«Автор»

2026

Лимонов П.

Развод с альфой. Непокорная бывшая / П. Лимонов — «Автор», 2026

Восемь лет я была женой альфы. А потом меня попросили пересесть — мое место рядом с мужем понадобилось его любовнице. Он рассчитывал, что я смирюсь. Буду заботиться о его доме, принимать гостей и делать вид, что ничего не произошло. Я сняла брачную метку и ушла. В старом материнском доме я собиралась наконец пожить для себя. Но уже наутро в ворота постучала первая семья из стаи. За ней пришли другие. Оказалось, терпеть моего мужа надоело не только мне. Вот тогда бывший забеспокоился. Потребовал вернуть людей. А заодно и жену, которая без него якобы ни на что не способна. Соседний альфа Радан Торн тоже был недоволен: я нарушила привычный порядок на границе его владений. Он приехал разбираться, а вскоре уже спорил со мной за моим столом, помогал моим людям и задерживался дольше, чем требовали дела. Я прекрасно знала, чем заканчивается жизнь с мужчиной, привыкшим командовать. Только однажды, услышав, что Радан уезжает, едва не попросила его остаться.

Содержание

Глава 1. Я больше не твоя жена	5
Глава 2. У моих ворот	17
Глава 3. Чужой волк	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Павел Лимонов

Развод с альфой. Непокорная бывшая

Глава 1. Я больше не твоя жена

— Элина, сегодня ты сядешь у другого края стола.

Я придерживала кресло, пока мальчишка из кухни вытаскивал из-под ножки сложенный кусок кожи. Старый пол опять повело от сырости. Пришлось нагнуться ниже, и прядь волос выскользнула из заколки прямо мне на губы.

— Почему? — спросила я, убирая ее тыльной стороной ладони.

Северин стоял в дверях общего зала. На нем был темно-синий камзол, который мы вместе выбирали к осеннему сбору. Я еще утром застегнула ему последнюю пуговицу на вороте: он никак не попадал ею в тугую петлю и смеялся, что я решила его задушить.

Теперь он смотрел мимо меня, на накрытый стол.

— Справа от меня будет Кассана.

Я выпрямилась. Мальчишка перестал возиться с креслом и выжидательно посмотрел на нас.

— Мы поставили ее рядом с Иваром. Она сама согласилась.

— А теперь я прошу пересадить.

— Тогда подвинем Ивара. Здесь достаточно места.

Северин наконец встретился со мной взглядом.

— Элина, не нужно перестраивать весь зал из-за одного кресла. Ты сядешь напротив. Мы будем обсуждать поставки из Высоких Скал, мне удобнее говорить с ней рядом.

Я знала цену этим поставкам. Уже две недели в нашей спальне разговоры о соли и железе продолжались после того, как гасла последняя свеча. Северин спрашивал, где разместить возчиков, сколько может принять общий амбар, кого отправить встречать обоз. Вчера я отдала ему список семей, которым тяжелее всего придется зимой. Он сунул его между бумагами о торговле и обещал посмотреть.

— Хорошо, — сказала я. — Только Эрика оставим возле прохода. С костылями он до того конца не доберется.

— Эрик мог бы сегодня посидеть дома.

— Он десять дней сидит дома. Это общий сбор.

Северин поджал губы. Я узнала это движение и раньше, чем успела подумать, понизила голос:

— Мы уже нашли ему место. Больше ничего менять не придется.

— Вот и займись этим.

Он ушел, оставив дверь открытой.

Мальчишка осторожно повел кресло за спинку.

— Сюда, госпожа?

— Да. И принеси другое. Только без трещины в подлокотнике, помнишь?

Тот кивнул и поспешил в кладовую. Я проводила его взглядом и поправила волосы. В синем платье было жарко, хотя каменные стены еще держали ночной холод. Я сама выбрала его утром: Северин любил этот цвет. Теперь на рукаве возле локтя темнела полоска пыли.

Из кухни донесся звон разбитого горшка.

Я пошла туда.

К полудню зал наполнился запахом хлеба и мокрой шерсти. Люди входили целыми семьями, оставляли у дверей плащи, звали друг друга через столы. Дети сразу потянулись к

блюдам с медовыми лепешками, и кухарке пришлось собирать их в малой столовой, где для них уже приготовили еду. Мила Лосс успела сунуть лепешку отцу в карман, прежде чем мать подтолкнула ее к остальным.

Эрик опирался на костыли и старался улыбаться так, будто все было в порядке. Лицо у него побелело от дороги. Тея придерживала мужа за локоть, но делала вид, что просто стоит рядом.

— Я же просила прислать за повозкой, — сказала я.

— За повозку потом потребуют отработать, — ответила она. — Мы дошли.

Я хотела возразить, но Тея посмотрела мне прямо в глаза.

Про дополнительную повинность я знала. После ранения Эрика Северин велел выставить вместо него работника на расчистку западной дороги. Тея работала в кузнице и одна держала семью. Нанять человека ей было не на что. Три дня назад я просила мужа дать им отсрочку.

Он сказал, что разберется.

— Поговорю с ним еще раз, — пообещала я.

— Не надо пока. Сначала пусть Эрик сядет.

Я отодвинула скамью. Под нее уже поставили низкий ящик с подушкой, чтобы он мог вытянуть левую ногу. Эрик выдохнул, когда опустился на сиденье.

— Вот за это спасибо.

— Только не забудь лепешку в кармане, — сказала я. — А то к вечеру у тебя будет сладкая подкладка.

Он слабо улыбнулся и достал помятое угощение. Тея поправила подушку, потом вдруг поймала мою руку.

— Ты-то ела?

— Попробовала все, что готовили.

— Пробовать и есть — разные вещи.

Я уже собиралась ответить, когда за моей спиной кто-то выругался. Пожилой охотник зацепил краем плаща жаровню у прохода. От углей поднялась короткая искра.

Мы с кухонным работником отодвинули тяжелую чашу к стене, где никому не мешали ее широкие ножки. Пока я вытряхивала из складки платья серую пыль, в зал вошла Кассана Лерн.

Она приехала в Серый Яр три дня назад, с двумя возами образцов и письмами от отца. Я приготовила ей гостевую комнату на солнечной стороне: северное крыло отсырело, и мне не хотелось, чтобы она простудилась после дороги.

Сегодня на ней было темное винное платье и короткий жакет с маленькими золотыми застежками. Волосы собраны высоко, открывая шею. Я заметила, как она оглядела главный стол, прежде чем поздороваться со мной.

— Вы опять все делаете сами, Элина.

— Помогают все, кто успевает попадаться мне на глаза.

Она улыбнулась, но на жаровню не посмотрела.

— Северин здесь?

— Был недавно. Наверное, у себя.

— Я хотела уточнить одну вещь до собрания.

— Конечно. Вам знакома дорога.

Слова прозвучали совершенно обычно. Я указала на боковой коридор и вернулась к столу Эрика.

Позже я вспоминала это чаще, чем сам поцелуй: как сама показала ей, куда идти. Как предупредила, что в коридоре темно, потому что у окна еще не заменили разбитое стекло.

Ивар появился, когда старшие уже расселись. Он снял куртку и остановился у главного стола, заметив переставленные кресла.

— Ты теперь с этой стороны?

— Сегодня так удобнее.

Я услышала в собственном ответе голос мужа и сердито расправила скатерть.

Ивар ничего не сказал. Положил рядом со своим прибором свернутый лист, оглядел зал и кивнул Эрику. Тот попытался встать, но Ивар сразу поднял ладонь.

— Сиди. Я вижу, что ты здесь.

Кухарка выглянула из-за двери. Я показала ей, чтобы подождала. Начинать общий обед без альфы никто не хотел, а Северин все не появлялся.

— Позову его, — сказала я.

В коридоре было прохладно. Из-за незастекленного верхнего окна тянуло сырой листвой. Я потеряла предплечья и по привычке свернула к кабинету, но дверь оказалась распахнута, а внутри никого не было.

Я уже прошла маленькую комнату с картами, когда услышала тихий смех Кассаны.

— Тогда скажи ей сам.

Я остановилась. Руку все еще держала на дверном косяке кабинета. Рядом, за неплотно притворенной дверью, Северин что-то ответил, но слишком тихо. Потом Кассана произнесла:

— Она ведь опять решит, что это я попросила.

Мне следовало постучать. Я восемь лет стучала, если знала, что у мужа посетитель. Даже тогда, когда несла ему забытые перчатки или напоминала, что ужин остывает.

В этот раз я просто толкнула дверь.

Северин стоял возле окна. Кассана прижималась к нему, положив ладонь ему на затылок. Ее жакет был расстегнут, и пальцы мужа лежали на открытой полоске кожи над поясом. Он целовал ее медленно, не спеша оторваться.

От звука двери Кассана повернула голову.

Северин убрал руку с ее талии.

В комнате было почти тихо. Только за стеной кто-то передвигал стул по каменному полу. Долгий, раздражающий скрежет.

Я посмотрела на руку мужа. У основания большого пальца виднелась старая белая полоска. Он порезался, когда мы в первую нашу зиму вдвоем чинили ставни: я держала створку, он соскользнул ножом и потом смеялся над тем, как я рассердилась. В тот вечер он впервые остался спать у меня в Ольховом Дворе.

Теперь этой рукой он поддержал Кассану за локоть, помогая отойти от окна.

— Элина, — начал он.

Я не ответила. Воздуха хватало, но вдохнуть глубже почему-то не получалось.

Кассана застегнула жакет. Первую застежку не сразу удалось попасть в петлю. Я смотрела на ее пальцы с таким вниманием, словно от них зависело, что произойдет дальше.

— Наверное, вам нужно поговорить, — сказала она.

— Да, — ответил Северин. — Подожди в зале.

Она двинулась ко мне. В узком проходе между дверью и столом нам пришлось бы коснуться друг друга, и я отступила раньше, чем успела об этом подумать.

— Я не хотела, чтобы вы узнали так, — тихо произнесла Кассана.

Я подняла на нее глаза.

— А как ты хотела?

Она задержалась.

— Это нужно было обсудить спокойно.

— Уходи, Кассана, — сказал Северин.

Она послушалась. Дверь за ней закрылась мягко, без щелчка: язычок замка давно не доходил до паза. Я еще весной просила столяра его поправить, но потом нашлись дела важнее.

Северин приблизился. Я почувствовала знакомый запах его кожи, чистой ткани, горького мыла. Он был таким же, как утром, когда я застегивала ему ворот.

— Сядь.

— Давно?

— Давай сначала успокоимся.

— Я не кричу. Давно это продолжается?

Он провел ладонью по подбородку. Посмотрел на дверь, за которой ждали люди.

— Четыре месяца.

Мне пришлось ухватиться за край стола. Под пальцами лежала карта западной дороги. Поверх нее — нож для разрезания шнуров, которым запечатывали письма.

Четыре месяца. Все лето. Он приезжал из Высоких Скал загорелым, уставшим, с хорошими новостями. Однажды привез мне сушеные абрикосы, которые я любила. Я еще поделила их на маленькие порции, чтобы растянуть удовольствие.

— Ты ездил к ней?

— Я ездил по делам.

— И к ней.

Северин помолчал.

— Да.

Я кивнула. Зачем-то именно кивнула, как если бы получила необходимую для работы цифру.

— И сейчас ты поселил ее в нашем доме.

— Это общий дом, Элина. Она приехала от имени отца.

— Я готовила ей комнату.

— Я знаю.

Он произнес это без раздражения. Почти мягко. От этой мягкости меня затошнило сильнее.

Я отпустила стол и отошла к окну. Во дворе двое мужчин перекачивали бочку под навес, перекрикиваясь через ее гул. Один поскользнулся, второй удержал его за ворот, и оба рассмеялись. Все продолжало происходить совершенно обычным образом.

Северин встал рядом.

— Я должен был сказать тебе раньше.

Я обернулась слишком быстро. Он увидел это и взял меня за руку.

— Послушай. Мы с тобой восемь лет вместе. Кассана этого не изменит. Твое положение здесь никто не собирается оспаривать.

Некоторое время я смотрела ему в лицо. Ждала следующей фразы. Что он поступил подло. Что отношения закончены. Что сейчас уйдет в зал и отправит ее домой, даже если ее отец откажется продать нам последний мешок соли.

Северин продолжил:

— От союза с Высокими Скалами многое зависит. Ортон мне доверяет. Его дочь тоже. Я не могу просто перечеркнуть все из-за того, что тебе сейчас больно.

— Не можешь?

— Не хочу, — поправился он после паузы. — Тебе нужен честный ответ? Вот он.

Я высвободила пальцы. Он не удерживал.

— Тогда зачем тебе я?

Северин нахмурился, словно я спросила что-то очевидно глупое.

— Ты моя жена.

— Для чего?

— Элина, я люблю тебя. Мы построили здесь жизнь. Я не собираюсь тебя оставлять. У тебя будет все, что было.

Я опустила взгляд на запястье. Узкий светлый знак проступал под кожей там, где восемь лет назад Северин держал меня за руку, произнося клятву. Похожий был у него. Ничего не

случилось с этим знаком, пока муж ездил к другой женщине. Он не обжег Северина и не предупредил меня.

— А она останется?

— Я не намерен выгонять Кассану. У нее есть комната, есть положение. Вы сможете не мешать друг другу.

Он говорил все увереннее. Подбирал решения, которые, как ему казалось, должны были меня успокоить. Мне не придется встречаться с ней каждый день. Никто не будет относиться ко мне хуже. На осенние переговоры нужно всего несколько дней, потом Кассана уедет, и у нас будет время привыкнуть.

Я слушала и постепенно переставала ждать нужных слов.

— Ты освободил для нее мое место за столом.

— Только на сегодня.

— Ясно.

За дверью раздались шаги. Кто-то остановился, потом постучал.

— Северин? Все собрались.

Это был Ивар.

— Сейчас, — ответил муж и понизил голос: — Мы закончим разговор позже. Умойся, если нужно. Я скажу, что ты задержалась на кухне.

Я посмотрела на медный таз у стены. На аккуратно сложенное полотенце. Наверное, я действительно могла бы умыться. Поправить волосы, стереть пыль с рукава и выйти в зал. Никто бы ничего не спросил. Вечером Северин пришел бы в нашу спальню и снова начал объяснять, что я ничего не потеряла.

Я взялась за дверную ручку.

— Не нужно. Я пойду с тобой.

Северин открыл передо мной дверь. В коридоре ждал Ивар. Он посмотрел сначала на меня, потом на мужа и отступил, пропуская нас.

Пока мы шли к залу, Северин дважды пытался положить ладонь мне на спину. В первый раз я ускорила шаг, во второй остановилась, чтобы поправить рукав. Мне хотелось, чтобы он перестал меня касаться, но произнести это вслух я пока не могла. За дверью уже звучали голоса, слишком громкие после тихой комнаты.

Кассана сидела справа от его кресла.

На моем прежнем месте стояла чашка, которую я узнавала по небольшому сколу на ручке. Я пила из нее восемь лет. Все остальные чашки в большом доме давно перемешались, эту кухарка почему-то неизменно ставила передо мной.

Кассана потянулась к чашке, увидела нас и оставила ее на столе.

Я остановилась возле своего нового кресла. Кто-то из соседок улыбнулся мне и спросил, будет ли к мясу тот острый соус, который я готовила в прошлом году. Я ответила, что будет. Слова вышли сами, и на мгновение я испугалась, что так и просижу весь обед, отвечая на привычные вопросы.

Северин остался стоять. Дождался, пока люди затихнут, и заговорил о зиме.

У него был хороший голос. Он умел говорить так, что в большом зале слышали каждое слово, хотя ему не приходилось повышать тон. Я любила слушать его на первых собраниях после избрания. Тогда он часто оглядывался на меня, словно хотел убедиться, что я рядом. Теперь смотрел поверх голов и время от времени опускал глаза к Кассане.

Он поблагодарил охотников, назвал несколько семей, которые помогли отремонтировать общую мельницу. Обещал обсудить зимние повинности и поставки из Высоких Скал.

Я смотрела на край стола. В скатерти торчала одна белая нитка. Я обмотала ее вокруг пальца, дернула и услышала, как ткань тихо треснула.

— У меня есть вопрос к собранию, — сказала я.

Северин замолчал.

Справа от него Кассана медленно выпрямилась.

— Чуть позже, Элина. Сначала закончим общее.

На последних словах в его голосе проступил знакомый отзвук альфьего призыва. В зале стихли разговоры, я невольно подняла голову. Северин смотрел на меня, ожидая, что я сяду.

— Мне нужны свидетели. Это не займет много времени.

В зале еще переговаривались. Мужчина у двери поднял руку, прося принести воду. Северин посмотрел на него, затем на меня.

— О чем ты?

Он знал, о чем. Я видела это по тому, как исчезла привычная складка возле его рта.

— Я прекращаю наш брак.

Где-то в середине зала стукнула о тарелку ложка. Остальные звуки затихли не сразу: люди поворачивались, переспрашивали соседей. Из малой столовой донесся детский смех, и кто-то прикрыл дверь.

Северин обошел стол. Я заставила себя оставаться на месте.

— Мы только что говорили об этом. Ты расстроена.

— Да. И все равно хочу развестись.

— Из-за ссоры не разрушают восемь лет жизни.

Я почувствовала, как вспыхнуло лицо. Все смотрели. Мне хотелось уйти, пока он объяснял им, что со мной случилось. Спрятаться в спальне, закрыть дверь и выплакаться там, где меня никто не увидит.

Вместо этого я отодвинула кресло, чтобы его спинка не упиралась мне в бедро.

— Это не ссора. Ты четыре месяца встречаешься с Кассаной. Я узнала об этом сегодня. Ты сказал, что не собираешься прекращать эти отношения.

Кто-то шумно втянул воздух. Один из старших охотников отвернулся к окну.

Северин остановился в двух шагах.

— Не надо обсуждать такое при всех.

— Я не обсуждаю. Я называю причину и прошу засвидетельствовать мое решение.

Он посмотрел на Кассану. Коротко, но достаточно, чтобы я успела заметить. Она сидела очень прямо, положив руки на колени.

— Элина, мы можем поговорить без посторонних, — произнесла она. — Никто не собирается занимать ваше место.

Я едва не рассмеялась. Должно быть, получилось какое-то странное движение ртом, потому что Тея вдруг поднялась со скамьи.

— Я слышала просьбу о свидетелях, — сказала она. — Я могу быть одной из них.

— Тея, сядь, — негромко велел Северин.

Она положила руку на плечо мужу, но осталась стоять.

Я знала, как дорого ей могло обойтись это упрямство. Еще несколько минут назад она не хотела, чтобы я снова просила за Эрика, и теперь я понимала ее лучше. В нашем доме любая просьба постепенно превратилась в долг, о котором Северин вспоминал, когда ему было удобно.

Ивар поднялся следом.

— Для прекращения брака достаточно двух взрослых свидетелей. Я буду вторым.

— Ты тоже решил вмешаться?

— Нет. Я буду свидетелем ее слов. Решение принимает она.

Северин помолчал. За его спиной кто-то заерзал на скамье. Люди ждали, и он не мог не чувствовать этого ожидания.

На осеннем сборе альфе задавали вопросы о расходах, дозорах, наказаниях. Здесь могли оспорить его решение и потребовать общего голоса. Все это происходило все реже, потому что Северин не любил тратить время на возражения. Но правило оставалось правилом.

Он отступил к столу.

— Хорошо. Если ты считаешь, что добьешься чего-то таким способом, говори.

Я потянулась к кувшину. Вода плеснула мимо чаши, оставив темный круг на скатерти. Мне пришлось поставить кувшин и перевести дыхание.

Я знала обряд. Все знали. В день свадьбы мать сама проверила, помню ли я слова, которыми можно закончить клятву. Я тогда возмутилась: зачем говорить об этом именно сейчас? Она ответила, что перед обещанием на всю жизнь полезно знать, где выход.

Я взяла немного соли из маленькой миски между блюдами. Соль прилипла к влажным пальцам.

Северин дернулся вперед.

— Подожди.

Я подняла голову.

Впервые за все время он выглядел встревоженным. Этого оказалось достаточно, чтобы у меня снова заболело внутри. Я слишком долго ждала, что он испугается меня потерять.

— Ты ведь не захочешь потом объяснять всем, что погорячилась, — сказал он.

Я прижала мокрые пальцы к светлому знаку на запястье.

— Я, Элина Варн, урожденная Ровен, прекращаю брачную клятву, данную Северину Варну. Я говорю это по своей воле. Наш брак окончен.

Последние слова пришлось произнести еще раз: в первый раз голос сел так сильно, что я сама едва себя расслышала.

— Наш брак окончен.

Кожу обожгло. Я вцепилась другой рукой в край стола и медленно провела пальцами поперек знака. Тонкая светлая линия погасла, оставив после себя покрасневшую полоску. Почти сразу исчезла и та.

Я все смотрела на запястье. Ждала, что почувствую еще что-нибудь. Но в зале пахло тем же мясом, хлебом и разогретой жаровней, а возле ног по-прежнему тянуло от двери.

Тея произнесла:

— Я слышала. Элина сделала это сама.

— Свидетельствую, — сказал Ивар.

Северин отвернул манжету. Я увидела его запястье, такое же чистое, как мое. Он смотрел на него всего мгновение, затем опустил руку.

— Я подтверждаю развод, — сказал он. — Пусть будет так, как ты хочешь.

Он произнес это громко, для всех, и вернулся к своему креслу.

Я почувствовала, как сильно затекли ноги. Казалось, я долго стояла в холодной воде. Хотелось сесть, но кресло позади меня было уже чужим, и я не могла заставить себя в него опуститься.

— Я уйду сегодня, — сказала я. — И выхожу из стаи Серого Яра. Общинные вещи оставляю здесь.

Теперь зашумели громче. В нескольких лицах я увидела обиду. Эти люди ничего мне не сделали; с некоторыми я годами делила праздничный стол, кому-то помогала хоронить родителей, с кем-то ругалась из-за пустяков и мирилась. Я знала, что они услышали в моих словах, но не могла сейчас объяснить каждому отдельно.

Северин прищурился.

— Куда ты собралась?

— В Ольховый Двор.

— К Доре? Она там сама едва справляется с домом.

— Теперь нас будет двое.

Он посмотрел на мой рукав, испачканный золой, на растрепавшиеся волосы. Я не знала, что он увидел, но выражение его лица стало почти знакомым: так он смотрел на меня, когда я пыталась передвинуть слишком тяжелый сундук и отказывалась звать работников.

— Не устраивай себе лишних трудностей. Можешь пока пожить в гостевом крыле.

Из-за стола кто-то одобрительно загудел. Хорошее предложение. Щедрое. Жена устроила сцену, а он все равно заботился о ней.

Я покачала головой.

— Спасибо. У меня есть дом.

Я вышла из-за стола и направилась к двери. Никто не остановил. Тея чуть подалась ко мне, но Эрик взял ее за руку, что-то сказал, и она осталась возле него. Я была рада: мне не хотелось, чтобы он лишний раз вставал или чтобы из-за меня они снова ссорились с Северином.

В коридоре я прижалась ладонью к холодной стене. Там уже не было ни чужих взглядов, ни необходимости держать голос ровным.

Я постояла, считая медленные вдохи. Потом поднялась по лестнице в нашу спальню.

На подоконнике стояла чашка с остывшим отваром. Я заварила его утром, сделала два глотка и забыла, когда Северин позвал помочь с воротом. Кожица на поверхности потемнела, возле ручки лежала моя шпилька.

Я подняла ее и долго не могла решить, куда положить.

В комнате все было на своих местах. Его сапоги у сундука, сложенная на кресле рубашка, тяжелое покрывало, которое мы привезли после свадьбы. На моей половине кровати осталась неглубокая складка: утром я сидела там, надевая чулки.

Мне вдруг захотелось вернуться именно в то утро. Не в первые годы брака, когда мы были счастливы, а всего на несколько часов назад. Я вспомнила, как Северин наклонился, чтобы мне было удобнее застегнуть пуговицу. Я поправила ему волосы у виска. Он поцеловал меня в ладонь.

Я села на край кровати и закрыла лицо руками.

Плакать оказалось больно. Все, что я удерживала в зале, выходило теперь некрасиво, с судорожными вдохами, мокрым носом и злостью на саму себя. Я слышала голоса внизу. Кто-то ходил по лестнице, и каждый раз я замирала, боясь, что дверь откроется.

Через некоторое время пришлось встать. Я умылась из кувшина, вытерла лицо полотенцем Северина, потому что свое не нашла, и от этого заплакала еще раз.

Дорожная сумка лежала внизу шкафа. Я вытащила ее за ремень и поставила на кровать.

Сначала сложила все неправильно: сверху теплое платье, потом туфли, которые сразу испачкали чистую ткань. Выругалась, выложила вещи обратно. Нашла кусок старого полотна, завернула обувь, достала чулки, две рубашки и мягкую ночную сорочку. На большее места почти не осталось.

На дне маленькой шкатулки лежал ключ от Ольхового Двора. Я ездила туда в конце лета и, вернувшись, положила его к материнской брошке. Дора тогда просила привезти холста для новых занавесок. Я обещала и все откладывала поездку.

Ключ я убрала в карман. Брошку приколотла с внутренней стороны воротника дорожного плаща, чтобы не потерять.

В дверь постучали.

Я еще не успела ответить, когда вошел Северин. Следом остановился Ивар. Он остался у порога и посмотрел на раскрытую сумку.

— Ты действительно уходишь? — спросил бывший муж.

Я держала в руках второе платье. Отложила его, потому что пальцы опять начали дрожать.

— Я сказала об этом внизу.

Северин обвел взглядом комнату. Подошел к шкафу и достал мой шерстяной жакет.
— Это возьми. У Доры холодно.

Он положил жакет рядом с сумкой. Я посмотрела на него и почувствовала, что сейчас снова заплачу. Мне было бы легче, если бы он кричал. Если бы сделал что-нибудь настолько отвратительное, что прежний муж исчез бы окончательно.

Но он помнил, что я мерзла у Доры, и считал это заботой, которой вполне достаточно.

— Спасибо, — сказала я и сложила жакет.

— Можешь забрать остальное завтра. Никто твои вещи не тронет.

— Пусть их привезут. Я оставлю открытым этот ящик и левую половину шкафа.

— Элина, не нужно разговаривать со мной так, будто мы чужие.

Я подняла голову.

— Я не знаю, как теперь с тобой разговаривать.

Он хотел что-то ответить, но в коридоре появилась смотрительница дома с моей дорожной обувью. Она принесла сапоги по просьбе Ивара. Поставила их у двери, сняла с плеча чистую тряпицу и без слов протянула мне.

Я приняла ее и только тогда заметила, что по-прежнему держала мокрое полотенце Северина.

— Побудьте, пожалуйста, — попросила я ее. Потом посмотрела на бывшего мужа. — У нас были отложенные деньги. Мою долю тоже передадут?

Он нахмурился.

— Я не собираюсь оставлять тебя без денег.

— Я спрашиваю про наши сбережения. Мне не нужно содержание.

Северин перевел взгляд на Ивара. Тот молчал, ожидая ответа.

— Передадут, — наконец сказал Северин. — Завтра. Вместе с вещами.

— Я прослежу, — добавил Ивар.

— Здесь все свое? — спросила смотрительница, кивнув на сумку.

В вопросе не было подозрения. Ей потом отвечать за то, что исчезло из общего дома.

— Да. Дорожный фонарь в кладовой тоже мой, медный, с вмятиной на крышке. Остальное оставляю.

Она кивнула и вышла. Ивар сказал, что подождет внизу.

Мы с Северином остались вдвоем.

Я переобулась, убрала шпильку в боковой карман сумки и пригладила волосы. Не смогла найти ленту, которой обычно их перевязывала. Северин смотрел, как я открываю и закрываю маленькие ящички.

— Вон она, — сказал он.

Лента лежала на подоконнике, за остывшей чашкой.

Я забрала ее. Все никак не удавалось выйти из этой комнаты: каждый предмет задерживал, требовал какого-то мелкого решения. Нужно ли брать гребень, если у Доры наверняка найдется другой? А книгу, которую я начала читать? А маленькую баночку мази для рук?

Северин поднял с кресла свою рубашку и сел.

— Переночуешь там, завтра станет легче. И мы поговорим без этих зрителей.

— Завтра привезут мои вещи, — ответила я.

Я застегнула сумку. Пряжка перекосилась, пришлось начать заново. Северин встал, собираясь помочь, но я справилась раньше.

Он потянулся к моему лицу.

— Не надо, — сказала я.

Рука остановилась. Потом он медленно опустил ее.

Я надела плащ, подняла сумку и шагнула к двери. Северин стоял достаточно близко, чтобы я чувствовала тепло его тела. Мне хотелось прижаться лбом к его груди, как я делала, когда уставала или боялась. От этого желания стало особенно тяжело.

Я вышла, не коснувшись его.

Внизу уже зажгли настенные лампы. Из зала доносился негромкий гул; обед продолжался. Возле лестницы стоял Ивар с моим фонарем в руке.

— Провожу тебя.

— До Доры?

— Если нужно, до Доры.

Я хотела сказать, что сама знаю дорогу. Вместо этого перехватила тяжелую сумку поудобнее.

— До развилки будет достаточно. Дальше там ровно.

Он забрал сумку у меня из руки и пошел к дверям. Я последовала за ним. Мимо пустого места у жаровни, которую мы переставили, мимо оставленных на скамье плащей, мимо кухонной двери, за которой меня еще утром спрашивали обо всем на свете.

На улице пахло дымом и влажной землей. Свет еще держался над западными крышами, но под навесами уже густела темнота. Я остановилась на ступеньке, застегнула плащ до горла. Ивар подождал у ворот.

Мы прошли через поселение почти молча. У кузницы женщина, набиравшая воду, кивнула мне так, будто я просто вышла по делу. Возле последнего дома мальчишки тащили во двор охапки хвороста. Один предложил помочь с фонарем, но Ивар покачал головой.

Когда крыши остались позади, я обернулась. Из общего дома все еще пробивался свет. Отсюда он казался маленьким, хотя я знала каждый его коридор.

— Ты давно знал? — спросила я.

Ивар не притворился, что не понял.

— Догадывался. Когда она приехала, стало ясно.

Я отвернулась.

Он шел рядом, держа мою сумку так легко, словно в ней лежало только платье.

— Я не знал, что он тебе сказал, — произнес Ивар после долгой паузы.

Мне хотелось спросить, правда ли он думал, что я согласилась. Что я сама отдала ей свое место и по доброй воле постелила постель. Но ответ ничего бы не изменил, а сил на новый разговор уже не было.

— Он сказал, что у меня останется все, что было, — сообщила я. — Я не смогла понять, что он имеет в виду.

Ивар опустил глаза на дорогу.

У развилки он передал мне сумку и помог зажечь фонарь. Пламя качнулось за мутным стеклом, высветив мокрую колею. До Ольхового Двора оставалось около четырех километров.

— Я могу идти дальше, — сказал он.

— Не надо. Спасибо, что проводил.

— Завтра привезу вещи. И деньги.

Я кивнула и пошла по знакомой дороге.

Сначала еще слышала его шаги за спиной — он возвращался в Серый Яр. Потом остался только шорох моих сапог и стук пряжки о край фонаря. Я остановилась, закрепила ремень, снова подняла сумку.

За восемь лет я редко ходила здесь пешком. Северин любил быстрые поездки: если мы отправлялись к Доре вместе, едва успевали добраться до двора, а он уже говорил, во сколько нужно возвращаться. Теперь дорога тянулась долго. В волчьем облике я преодолела бы ее быстрее, но не могла бросить вещи у дороги. Дважды пришлось отдыхать, ставя сумку на придорожный камень. Ладонь ныла под ремнем, и я меняла руки.

На последнем подъеме показалось окно Доры.

Я узнала его по криво подвешенной занавеске. Тетка всегда подтыкала один угол, чтобы видеть калитку, и ругалась, когда я поправляла ткань.

До порога я добралась в полной темноте. В тесном дворе пахло яблоками и щепой. За забором прошуршала по земле сухая ветка.

Я достала ключ, но не сразу попала в скважину. Попыталась еще раз. Внутри скрипнули половицы, дверь открылась, и на меня упал теплый желтый свет.

Дора стояла с подсвечником в руке. На ней был старый стеганный жилет, из кармана торчали нитки.

— Элина? Что случилось?

Я открыла рот и вдруг поняла, что не могу произнести подготовленную по дороге фразу. Дора посмотрела на сумку. Отступила, пропуская меня.

— Заходи. На крыльце разберемся только с тем, кто из нас первый простудится.

Я переступила порог. Сумка с глухим стуком опустилась на пол.

— Я развелась с Северином.

Дора медленно прикрыла дверь. Подняла подсвечник, глядя в мое лицо.

— Сегодня?

— Да.

— Он тебя выгнал?

— Нет. Я сама ушла.

Она кивнула и поставила свечу на полку.

— Снимай плащ. У тебя весь подол мокрый.

Я расстегнула застежку, но руки не слушались. Дора молча помогла, повесила плащ на крючок, забрала фонарь. Когда она вернулась, я все еще стояла посреди коридора.

— Здесь теперь будешь жить?

Я посмотрела на нее. До этого вопроса я знала, что мне нужно дойти до дома. Дальше дорога как будто заканчивалась.

— Если я тебе не помешаю.

Дора нахмурилась.

— Дом твой, Элина. Но раз уж спрашиваешь: не помешаешь. Поможешь с верхними ставнями, я до них устала добираться.

Я попыталась улыбнуться. Улыбка сорвалась, и тетка сразу придвинула стоявший у стены стул.

— Садись. Сапоги снимем здесь.

Она присела передо мной. Я хотела запротестовать, но Дора уже потянула за каблук, придерживая мою ногу. Один сапог поддался легко, второй пришлось раскачивать: мокрая кожа стянула щиколотку.

— Шла пешком?

— Да.

— От самого Яра?

— Ивар проводил до развилки.

— Хорошо хоть не босиком. Подожди здесь, принесу чулки.

Я сидела, глядя на свои ступни. Правая пятка была натерта, но я заметила это только теперь. Из кухни пахло луком и горячим бульоном.

Дора вернулась с толстыми шерстяными чулками, а потом поставила на стол миску.

— Я не хочу есть, — сказала я.

— Я налила немного.

Она села напротив со своей миской. Посыпала суп перцем и начала есть. Я обхватила свою миску ладонями и смотрела, как над ней поднимается пар. Потом взяла ложку.

Я оказалась голодной до слабости.

Дора молча отрезала хлеб. В кухне потрескивали дрова, на веревке возле печи сушилось полотенце. В одном месте потолок потемнел от старой протечки. Я помнила это пятно, но мне казалось, что оно стало больше.

— Во флигеле опять течет? — спросила я.

— Течет. Мастер обещал зайти на следующей неделе. Если опять не придет, буду ловить его на дороге.

Я кивнула и съела еще ложку.

— У него другая женщина, — сказала я наконец.

Дора подняла на меня глаза.

— Давно?

— Четыре месяца. Он привез ее в общий дом. Я застала их сегодня.

Я замолчала. Сказать остальное — что мне предложили оставаться рядом, что я сначала ждала извинений, что все еще хотелось услышать его шаги на крыльце, — пока не получалось.

Дора протянула руку и сжала мои пальцы.

— Сегодня больше ничего не нужно рассказывать.

— Я не знаю, что завтра делать.

— Утром разберемся. Вещи у тебя еще там?

— Да. Ивар обещал привезти.

— Значит, сначала устроимся с вещами. Давай доедай.

Она подвинула ко мне хлеб. Я взяла его свободной рукой. Вторую Дора отпустила не сразу.

После еды мы подняли мою сумку наверх. Комната, в которой я жила до свадьбы, оказалась почти пустой: кровать, шкаф, узкий стол под окном. На стуле лежало сложенное покрывало. Дора поставила свечу, достала чистую простыню и потянула за угол матраса.

Я помогла ей застелить постель. Это оказалось легче, чем продолжать сидеть внизу и говорить.

— Еще одеяло принесу, — сказала она. — Ночью здесь прохладно.

— Дора, я не привезла холст.

Тетка посмотрела на меня и коротко фыркнула.

— Заметила. Будем жить с моими занавесками.

Когда она ушла, я села на кровать. В доме было тихо. Внизу Дора закрывала заслонку, потом что-то передвинула у печи. Я узнавала эти звуки, но все равно ждала другого: тяжелых шагов по коридору, короткого стука в дверь и голоса Северина, который спросит, почему я еще не легла.

Я расстегнула сумку.

Гребень положила на стол. Ночную сорочку — на подушку. Туфли в полотняной обертке убрала на нижнюю полку шкафа. Повесила теплое платье и жакет, который Северин достал для меня. Пальцы задержались на его рукаве, потом я закрыла дверцу.

Из кармана плаща вынула ключ от дома и положила рядом с гребнем.

Сумка опустела. Я сложила ее вдвое, придвинула к шкафу стул и убрала на верхнюю полку.

Глава 2. У моих ворот

Утром я долго лежала, не открывая глаз. В доме стукнула заслонка, за стеной заскреблась мышь. Никто не звал меня вниз. Именно это и разбудило окончательно.

На соседней подушке лежал квадрат света. Я провела по нему рукой, прежде чем сообщила, что ищу, и села. Подол ночной рубашки задрался до колен, правая пятка саднила. Все остальное было вполне обыкновенным: холодный пол, полный мочевого пузыря, спутанные волосы. Оказалось, утро после конца восьмилетнего брака ничем не собиралось мне помогать.

Я оделась и внизу обнаружила Дору за починкой рукавицы. На плите грелась каша, возле моей чашки стояла маленькая банка мази.

— Для ноги, — пояснила тетка. — Сапоги пока не надевай. В сундуке мои старые башмаки, велики будут, зато пятку не трут.

— Ты давно встала?

— Достаточно давно, чтобы захотеть второй завтрак.

Я потянулась к кочерге. Дора придержала ее ногой.

— Там все хорошо. Садись.

Каша была густая, с яблоками. Я съела половину, потом всю и еще немного соскребла со стенки котелка. Дора достала хлеб, не предложив его вслух. Мы разговаривали о мыши, поселившейся за лестницей, о сыром лете и о том, что садовник из Серого Яра прошлой весной испортил две яблони слишком усердной обрезкой. Я слушала и понемногу переставала ждать вопроса, на который не знала ответа.

— Что сегодня надо сделать? — спросила я, когда она убрала рукавицу.

— Мне — вычистить дымоход в летней кухне. Тебе — как решишь.

Я посмотрела на дверь. За ней были двор, колодец, косой забор; дальше — день, в котором никто не распределил мое время заранее.

— Покажешь дом?

Дора усмехнулась.

— Будто впервые приехала.

— Раньше я смотрела не так.

Мы начали с кладовой. Запасов хватало на нас двоих, хотя мешок муки оказался меньше, чем я помнила. Дора заказала еще у знакомых возчиков, которые ходили между восточными мельницами и западными поселениями. Они обещали заехать через несколько дней. Капуста стояла под гнетом, сушеные грибы висели у потолка; из трех бочек с солониной полными были две. Я машинально пересчитала связки лука.

— На всю зиму не хватит, — сказала я.

— На всю зиму я еще и не закупала. Не делай такое лицо, мне не пришлось глотать кору.

За кладовой начинался флигель. Когда-то здесь ночевали дорожные люди; моя мать держала комнаты чистыми даже после того, как новый торговый тракт увел большую часть повозок к Серому Яру. Теперь у дальней стены стояли перевернутые кровати, а под темным пятном на потолке — корыто.

Я коснулась сырой штукатурки. На пальцах остался мел.

— Сильно течет?

— При восточном ветре. В ближней комнате сухо, только дверь перекосило. Мастер придет на следующей неделе, посмотрит крышу.

— Я сама с ним поговорю.

— Поговоришь. За него на крышу не лезь.

Я собиралась возразить, но с улицы донесся скрип колес, потом частые неровные удары дерева о камень. Дора замолчала первой. Мы вышли на крыльцо.

Тея стояла за воротами, упершись обеими ладонями в рукоятки ручной тележки. На ней громоздились узлы, длинный ящик, клетка с двумя недовольными курами. Рядом, тяжело дыша, опирался на костыли Эрик. Левую ногу он держал перед собой, подбитый мехом башмак был намного больше правого. Мила прижимала к животу небольшой сверток.

Я сразу открыла створку.

— Почему вы не послали за мной?

Тея сначала протолкнула тележку, только потом ответила:

— Чтобы ты еще и за нами шесть километров ходила?

Эрик улыбнулся, но пот выступил у него над губой. Дора принесла скамью к самому порогу. Я подхватила его под локоть и тут же почувствовала, как он напрягся.

— Только дверь придержи, — попросил он. — Я сам сяду.

Пока он устраивался, Мила переступила порог и остановилась возле моих ног. Вчера я помогала ей доставать пирог с высокого подноса. Сегодня она смотрела на меня так, будто не была уверена, помню ли я ее.

— У тебя там что? — спросила я, кивнув на сверток.

— Чашка. Мама велела не класть к железу.

— Правильно велела. Отнесешь на кухню? Дора покажет полку.

Девочка посмотрела на мать. Та кивнула, и только тогда Мила пошла в дом.

Тея вытерла лоб тыльной стороной запястья. Я видела ее усталой, злой, веселой после праздника, но не такой: серой вокруг рта, с дрожащими от тяжести кистями.

— Мы на несколько дней, если можно. Потом найдем, где встать на зиму. У нас есть деньги, немного зерна, инструменты. Я могу чинить все, что у тебя здесь...

Она обернулась к флигелю и осеклась, словно боялась показаться слишком заинтересованной в моих сломанных дверях.

— Можно, — сказала я. — Вы уже здесь. Что случилось?

Эрик стянул рукавицу зубами.

— Нам назначили дополнительную отработку. Два человека на западной дороге, с расвета. За пропущенные смены.

— Тебе? С ногой?

— Мне или тому, кто пойдет за меня. Тея вчера просила отменить. Ты помнишь.

Я помнила. Помнила и его взгляд в зале, когда Тея встала, чтобы свидетельствовать мой развод.

— Это из-за меня?

— Не забирай себе все на свете, — резко сказала она. — Он отказал до твоего выступления. А утром предложил мне самой выйти на дорогу. Кузница, заказы и ребенок, по его словам, могли подождать.

Эрик смотрел на свои руки.

— Я сказал, что пока не могу отработать. Нам ответили: правила одинаковы для всех.

— Они не одинаковы.

— Знаю, — сказал он. — Вот потому и ушли.

Утром они объявили об уходе перед двумя соседями, отдали дозорный плащ и общий запас стрел. Тея оставила арендованную кузницу, забрала оплаченный металл и свое железо. Эрик настоял, чтобы часть пути проехать в тележке, но последний километр прошел на костылях: колеса вязли, Тея едва сдвигала груз. Рассказывал он коротко, без жалобы. От этого я злилась сильнее.

— Надо уложить его, — сказала я. — В моей комнате тепло, я спущусь сюда. Дора, у нас осталось полотно? И горячая вода, и еще...

— Элина.

— Сейчас. Сначала перенесем вещи.

Я уже схватила за длинный ящик. Он оказался тяжелее, чем выглядел; дно ударило меня по коленям. Тея удержала другой конец.

— Элина, поставь.

— Я донесу.

— Я не прошу доказать, что ты сильная. Там клещи, молотки и обрезки. Его вдвоем надо. Мы поставили ящик на землю. Мне стало жарко от неловкости.

— Прости.

— Если ты сейчас отдашь нам спальню, Эрик будет каждый раз карабкаться по лестнице. Нам подойдет нижняя комната. Та, сухая. Дверь я подгоню. Дай рубанок и покажи, где вода.

Я хотела сказать, что сама все сделаю, и на этот раз услышала это раньше, чем произнесла.

— Рубанок в сарае. Но там холодно.

— В сарае или в комнате?

— В комнате.

— Значит, сначала растопим печь.

Дора, стоявшая на крыльце, спрятала улыбку в платок. Я заметила и разозлилась на нее совершенно несправедливо.

Нижнюю комнату мы готовили до полудня. Тея снимала дверь с петель, я выносила пыльные тюфяки, Дора проверяла тягу. Эрик сидел у окна и подавал инструмент, когда его просили, а когда не просили, удерживал руками колено и молчал. Я несколько раз ловила себя на том, что смотрю на него слишком пристально.

— Я не рассыплюсь, — сказал он наконец.

— Знаю.

— Тогда перестань ждать звука.

Мы оба рассмеялись. Смех вышел у меня сдавленным, зато после него стало проще спросить, удобно ли ему, и принять ответ.

На обед Дора сварила похлебку. Мила ела осторожно, выбирая с края тарелки, и ни разу не попросила хлеба. Я подвинула корзину, она взяла самый маленький кусок.

— Можно еще, — сказала я.

— Я знаю.

Она не знала. Я помнила это чувство по первым неделям после свадьбы: все вокруг говорили «теперь твой дом», а я боялась взять не то полотенце.

— После обеда покажу тебе яблоню, на которую удобнее всего залезать, — предложила я.

Тея подняла голову.

— На низкую, — уточнила я.

— Очень низкую, — сказала Тея.

Мила впервые улыбнулась.

Ивар приехал, когда мы сушили на заборе два матраса. С ним был пожилой кладовщик из общего дома. Я знала его столько лет, что сразу заметила: прежде он здоровался со мной иначе, без этой паузы перед именем.

На повозке лежал мой сундук, перевязанный веревкой, корзина с обувью и небольшой плоский ларец. Ивар спешил и задержал взгляд на Эрике, сидевшем под навесом.

— Как добрался?

— Добрался, — ответил тот.

Ивар кивнул, будто больше ничего и не ожидал. От этого короткого обмена мне стало неприятно.

— Вещи все? — спросила я.

— По списку. Проверь сама.

Сундук мы открыли на веранде. На дне лежали зимние платья, сверху — белье, письма матери, две книги с моими пометками на полях. В щели между переплетами застряла засу-

шенная ветка вереска. Северин привез ее мне в первую осень после свадьбы. Я быстро закрыла книгу.

Кладовщик пересчитал деньги при мне и Доре. Это была моя доля накопленного за восемь лет: достаточно, чтобы мы с теткой прожили несколько месяцев и не откладывали починку крыши. Я проверила сумму, расписалась в получении и только потом заметила конверт под ларцом.

— Его тоже надо принять под запись?

— Нет, — сказал Ивар. — Просто письмо.

Внутри было три строки. Северин писал, что не станет мешать мне побыть у Доры. Просил подумать, сколько сил я трачу на то, чтобы доказать ему очевидное. Заканчивал знакомым: «Твое место тебя ждет».

Я перечитала последнюю фразу. Несколько раз в первые годы он говорил так, уезжая: мое место рядом с ним, каким бы тяжелым ни оказался день. Тогда я слышала в этом приглашение. Сейчас он сообщал, что оставил для меня пустой стул.

— Ответ будет? — спросил Ивар.

— Передай, что я получила вещи и деньги. Благодарю за своевременную передачу.

Он ждал еще. Я сложила лист и убрала в карман.

— Больше ничего?

— Больше ничего.

Кладовщик вышел к повозке, а Ивар остался у перил.

— Вчера ты прошла оставшийся путь нормально?

— Да. Спасибо, что проводил.

— Я мог бы вернуться за тобой, если...

— Я дошла, Ивар.

Он потер переносицу. За его плечом Тея отбивала упрямый гвоздь; каждый удар звучал слишком отчетливо.

— Ты не обязана собирать здесь всех недовольных, — сказал он.

Я посмотрела на Эрика. Тот слышал, но не повернул головы.

— Они попросили комнату, а не место в заговоре.

— Я не это имел в виду.

— Тогда выбирай другие слова.

Ивар нахмурился. Я раньше редко говорила с ним так. Обычно добавляла что-нибудь мягкое, чтобы разговор можно было закончить без неприятного осадка.

— Северин может решить...

— Пусть решит, что взрослые люди устали платить за сломанную на дозоре ногу.

Он посмотрел на меня, потом на Эрика и тяжело выдохнул.

— Я просил отменить отработку.

— А когда он отказал?

— Это было его решение.

Отвечать было нечего. Ивар сам это понял: неловко переставил перчатки из одной руки в другую и направился к повозке. Эрику он пожелал выздоровления. Тот поблагодарил, не поднимаясь.

Когда ворота закрылись, я отнесла письмо наверх. Долго стояла у печи с открытой дверцей, но бросать бумагу в огонь не стала. Положила в нижний ящик стола под письма матери. Мне не хотелось потом спрашивать себя, действительно ли он написал именно так.

Сундук оставался на веранде. Я спустилась и попросила Тею помочь перенести его. Она отложила молоток без единого слова о том, что я наконец догадалась попросить.

К вечеру оказалось, что нижняя комната хранит гораздо больше холода, чем мы рассчитывали. Печь исправно грела, но из щели под окном дуло Эрику в спину. Дора нашла паклю,

Тея сделала новые клинья. Мы переставили кровать, потом вернули на прежнее место, потому что иначе между ней и столом не проходили костыли.

Мила уснула на тюфяке у стены раньше, чем я принесла второе одеяло. Рядом лежала ее чашка, завернутая в тот же платок.

— Она может поставить ее в кухне, — шепнула я.

Тея присела, поправляя дочери волосы.

— Знаю. Завтра скажу еще раз.

Мы вышли в коридор. Я держала ненужное одеяло, не понимая, куда его деть.

— Она спросила, когда мы вернемся, — сказала Тея. — По дороге. Я ответила, что пока не знаю. Лучше было сказать правду?

— Какую?

— Что я не собираюсь возвращаться. Что там нам больше негде жить.

Я подумала о снятой двери, об инструментах, которые она везла шесть километров, и о том, с какой уверенностью сказала у ворот «на несколько дней».

— Ты ведь и сама еще не знаешь, где вы будете через месяц.

— Да. Но это не тот ответ, который ей нужен.

Мы постояли рядом, слушая, как Эрик осторожно возится в комнате. Потом Тея взяла у меня одеяло.

— Вот это ей сейчас подойдет. Ответ я еще придумаю.

Ночью я проснулась от мужского голоса и на миг решила, что Северин стоит под дверью. Сердце застучало так, что стало больно. Я села, вслушалась и различила внизу короткое: «Правее, под колено». Тея помогала мужу переменить положение.

Я легла, но сон не возвращался. В чужих звуках дом становился другим, и вместе с облегчением пришло раздражение. Еще вчера я мечтала о тишине. Сегодня сама впустила людей и теперь не могла сердиться на их присутствие, не чувствуя себя дурным человеком.

За окном зашуршали ветви. Я накрыла голову подушкой, потом откинула ее. Разрешила себе злиться хотя бы мысленно и неожиданно уснула.

На следующий день пятка позволила натянуть старые башмаки без гримасы. Я нашла Милу во дворе. Она сидела на перевернутом ведре и смотрела на яблоню, о которой мы говорили за обедом.

— Слишком высокая? — спросила я.

— Мама сказала, сначала спросить.

Нижняя ветка росла почти горизонтально. Я забиралась на нее маленькой; теперь кора стала грубее, а возле ствола открылась темная щель. Я надавила на ветку всем весом. Держала.

— Только до развилки. Дальше тонко.

Мила подтянулась, уперлась коленом и застыла.

— Что?

— Платье зацепилось.

Я освободила подол. Она устроилась верхом, оглядела двор с нового места и спросила:

— А вы теперь будете здесь главной?

— Я хозяйка дома.

— А кто главный над домом?

— Никто.

Она подумала, поковыряла ногтем кору.

— А если пожар?

Я открыла рот и закрыла его. Мила смотрела серьезно. Для нее главный был тем, кто знает, куда бежать, когда страшно, и ответ «никто» совсем не означал свободы.

— Тогда будем слушать того, кто лучше понимает, что делать. Пока взрослые договоятся. А ты не прячься и идешь к маме или Доре.

— А если мама в кузнице?

— Тогда ко мне. Найдем ее вместе.

Это ее удовлетворило. Меня — не вполне. Я ушла к колодцу, мысленно перебирая все, о чем вчера даже не задумалась: ведра с песком, свободный проход к воротам, людей, которых надо будить первыми. В общем доме это давно делалось по привычке. Здесь привычек еще не было.

К обеду приехала женщина из соседнего хутора. Она привезла Доре яйца, а мне — новости, замаскированные под заботу. Я слушала, как Северин «очень спокойно все перенес», как Кассана утром вышла к завтраку, как люди надеются, что мы с бывшим мужем вскоре договоримся.

Тея возилась с ножкой стола в нескольких шагах и постепенно ударяла молотком все сильнее.

— Мы договорились, — сказала я. — Вчера мне привезли вещи.

Женщина смутилась, принялась поправлять платок. Оказалось, пришла она не только за этим. Ее родственница с мужем и старой матерью искали место, где можно переждать ремонт своего дома. После дождя у них провисла крыша над спальней, а сосед согласился приютить лишь на три ночи.

— Я подумала, у вас столько комнат пустует... Конечно, они заплатят. Муж плотничает понемногу.

— Пусть приезжают, — сказала я слишком быстро. — В дальней комнате три кровати. Мы все приготовим.

Дора подняла голову от корзины с яйцами.

Женщина обрадовалась. Уже называла день, спрашивала про постельное белье. Я отвечала, уговаривая себя, что теперь у меня есть деньги и помощники, что три человека не съедят целый дом и отказывать из-за удобства было бы стыдно.

Когда гостя уехала, Дора поставила корзину на стол.

— Пойдем.

— Куда?

— В комнату, которую ты сдала.

Я пошла за ней. Тея осталась во дворе; молоток больше не стучал.

Дальняя комната пахла сырой известью. В корыте под потолком стояло немного воды. Я остановилась на пороге.

— Мы успеем закрыть крышу.

— Кто?

— Мастер. Ты говорила, придет.

— Посмотреть. На следующей неделе. Он не знает, сколько работы и какой лес понадобится. А пожилую женщину ты обещала поселить послезавтра.

Я почувствовала, как лицо наливается жаром.

— Можно устроить ее в кухне.

— Где мы готовим на пятерых? Где Эрик ночью разбудит всех, если ему нужно будет пройти? Ты спросила его? Тею? Меня?

— Это мой дом, Дора.

Слова вырвались прежде, чем я поняла, что говорю. Тетка посмотрела на меня внимательно, без обиды на лице. От этого стало еще хуже.

— Твой. Ты можешь заставить его людьми до потолка. Я только хочу заранее знать, где после этого будет моя кровать.

Я опустила голову. Возле башмака темнело мокрое пятно.

— Я не хотела так сказать.

— Хотела. Устала, злишься, боишься отказать чужой женщине и поэтому говоришь мне то, что ей не сказала. Я не собираюсь из-за этого съезжать. Но комнату волшебством не высушу.

Я коснулась дверного косяка. В голове уже строилось привычное спасение: сама съезжу за мастером, сама найду лес, сама перестелю крышу, только бы не возвращаться к женщине с отказом.

— Придется отменить, — сказала я.

— Придется сказать правду. Может, они захотят подождать. Может, найдут другое место. Это они решат.

Мы вышли, и я остановила Тею.

— Ты слышала?

— Достаточно.

— Я обещала комнату, которую нельзя использовать. Прости, что распорядилась и твоим временем тоже.

Тея воткнула молоток за пояс.

— Я кузнец. Крышу надо показать плотнику. Если ему понадобится железо, сделаю. Но не сегодня: у меня дверь еще на одной петле.

Она не утешила меня, и это было справедливо.

К хуторянке я пошла сама, оставив Доре записку, где меня искать. До ее дома было меньше километра. Объяснять оказалось неприятнее, чем я рассчитывала. Женщина сначала не поняла, потом нахмурилась: она уже успела передать хорошую новость с мальчиком, который ехал туда на осле.

Я стояла в ее сенях, чувствовала запах свежей простокваши и не пыталась придать ошибке благородный вид.

— Я не проверила комнату как следует. Это моя вина. Завтра приведу мастера, если смогу, но обещать теплое место через два дня нельзя.

— Так зачем же было...

— Да. Не надо было.

Она поджала губы. Мы договорились, что я сама передам родственникам исправленное приглашение с возчиком: приезжать смотреть можно, переселяться — только после ремонта. По дороге обратно я несколько раз представляла, как эта история разойдется по хуторам. Бывшая жена альфы не может распорядиться собственным домом. Я уже слышала интонацию Северина.

У ворот Мила кормила кур. Одна птица выхватила зерно так резко, что девочка вскрикнула, а потом засмеялась. Я остановилась, глядя, как она отряхивает ладонь. Мой стыд никуда не делся, но вдруг уменьшился до своего настоящего размера: я дала неосторожное обещание и исправила его. Никто не умер, дом стоял, ужин пах луком.

Вечером мы с Дорой вымыли посуду вместе. Я хотела снова извиниться, но она передала мне мокрую миску и сказала:

— Полотенце сухое возьми. Этим ты только воду разводишь.

Это было милосерднее длинного разговора.

На третий день после моего возвращения в Ольховый Двор мы вынесли длинный стол на веранду. Солнце ненадолго показалось из-за облаков; Эрик заявил, что готов замерзнуть ради смены вида. Тея завернула ему ноги в одеяло и уселась рядом. Мила рисовала углем на обрезке доски.

Я принесла бумагу, чернила и приготовленную речь. Речь сразу показалась нелепой. Передо мной сидели четыре человека, двое из которых прекрасно знали, как я сержусь, когда недосыпаю.

— Я не хочу каждый день угадывать, кто кому обязан, — начала я. — Вчера уже получилось плохо. Давайте решим хотя бы то, что касается всех.

Дора устроилась удобнее.

— Я за.

— Вы можете жить здесь до весны, — сказала я Тее и Эрику. — Не до того дня, когда у вас снова появятся силы куда-то ехать. До весны. Потом посмотрим, что нужно вам и дому.

Тея не ответила сразу.

— Сколько?

Я назвала небольшую плату за комнату, достаточную, чтобы покрыть дрова и часть общих расходов. За работу с дверью и будущие металлические крепления мы договорились вычестить отдельно. Тея пересчитала в уме, задавая короткие точные вопросы. Мне было неловко говорить о деньгах после ее ухода из стаи, но чем дольше мы говорили, тем свободнее она держалась.

— Еду мы покупаем свою, — сказала она.

— Часть можно брать вместе. Доре выгоднее заказывать мешок, чем три маленьких.

— Тогда записываем, кто сколько внес. Не каждую морковь, но мешки — да.

Эрик покачал головой.

— С морковками ты тоже справишься.

— Не отвлекай. Ты отвечаешь за то, чтобы я вечером не считала их вслух.

Он улыбнулся, и я впервые увидела, как они выглядят, когда не борются с болью или унижением.

Я предложила, чтобы каждый называл работу, которую может взять, и предупреждал, если не справляется. Дора сразу отказалась готовить на всех каждый день. Я так привыкла к ее кухне, что даже не заметила, как назначила ее на это место мысленно.

— Два дня мои, — сказала тетка. — В остальное время я тоже хочу иногда сесть к готовому.

— Два мои, — откликнулась Тея. — Только без ожиданий. Похлебка у меня всегда одна.

— Вкусная? — спросил Эрик.

— Живой же ты.

Я записала дни. Эрик взял на себя мелкую починку ремней и учет привезенного, который можно было вести сидя. Мила попросилась кормить кур. Дора согласилась с условием, что дочь Лоссов будет закрывать за собой сарай, а не ждать, пока это сделают куры.

— Еще, — сказала я. — Если кто-то решит уйти, он уходит. Можно предупредить, чтобы мы не держали ужин, но разрешения спрашивать не надо. Личные вещи остаются личными. То, что человек привез, не становится общим только потому, что стоит в общем сарае.

Тея положила ладонь на край стола. Я поняла, о чем она подумала: о железе, которое едва удалось вывезти из старой кузницы.

— А если мы не согласны с тобой? — спросила она.

Вопрос был спокойным, и оттого ответить общими словами не получилось.

— Если это касается вашей работы, комнаты, еды — обсуждаем. Если крыша моего дома или продажа земли — окончательное решение мое. Но я говорю до того, как оно повлияет на вас. А когда приедут новые люди, сначала проверяю, куда их положить.

Дора одобрительно хмыкнула.

— Я напоминаю, если забудешь.

— Ты напомнишь даже раньше.

Мы посидели еще, уточняя простые вещи. Мила дорисовала на доске волка с шестью ногами, потому что он бежал очень быстро. Эрик сказал, что с такими ногами охотно сходил бы сам за дровами. Я смеялась вместе со всеми и неожиданно почувствовала усталость, после которой можно спать, а не лежать до рассвета, разговаривая в голове с отсутствующим мужем.

Когда остальные разошлись, я осталась за столом с чистым листом. Письмо Радану Торну пришлось начинать трижды.

Я видела его на общих советах: темноволосый, с тяжелыми плечами, обычно сидел впол-оборота к окну и говорил мало. Северин называл его упрямым хозяином каменистой полосы, который за каждую тропку готов торговаться до зимы. Я тогда принимала эту оценку почти без проверки. У Серого Яра и Каменного Брода давно шли споры из-за выпаса и подходов к переправе, и мне казалось естественным держаться стороны мужа.

Теперь между нами и восточным рынком лежала земля Радана. Мне нужен был проход для людей и груза, и притворяться, что он обязан помочь женщине, которая вчера еще сидела возле его соперника, было бы глупо.

Я написала, кто живет во дворе, что семья Лоссов вышла из Серого Яра по своей воле и что мы никому не угрожаем. Попросила назначить встречу для разговора о восточной дороге. Перечитала и вычеркнула фразу «в связи со сложившимися обстоятельствами». Мой развод не был предметом соседского соглашения.

Подпись «Элина Ровен» заняла меньше места, чем привычная. Я подождала, пока высохнут чернила, и сложила лист.

Письмо согласился отвезти мальчик с хутора, который собирался в Каменный Брод за подковами. Я дала ему плату за дорогу и попросила передать ответ, если ответ будет. Он заткнул конверт за пазуху, проверил подпругу и уехал. Некоторое время я смотрела вслед, испытывая нелепое желание догнать и переписать все еще раз.

К вечеру пришел мастер по крыше. Оказалось, Дора сумела передать ему весть раньше меня. Он взобрался на лестницу, долго щупал доски и назвал срок, который совсем не совпадал с моим вчерашним обещанием. Нужны были несколько сухих балок, черепица и два дня без дождя. Материалы он мог привезти к концу недели, работать — на следующей.

Я согласилась и попросила сначала закрыть течь временно. Это он сделал сразу, с нашей помощью натянув поверх поврежденного участка плотное просмоленное полотно. На другой стороне двора Тея прилаживала дверь. Впервые за три дня она закрылась без удара плечом.

Я испытала почти детскую радость и распахнула ее снова, чтобы проверить.

— Не сломай из благодарности, — сказала Тея.

После ужина я поднялась к себе. Сундук был разобран наполовину; на кровати лежали платья из прежнего дома. Одно Северин любил особенно: зеленое, с узким вырезом. Я сжала рукав и вдруг вспомнила его ладонь у меня на талии, когда мы танцевали после окончания сенокоса. Это было совсем недавно. Меньше года. Не вся моя жизнь с ним оказалась выдумкой, и от этого было больнее, чем если бы я могла перечеркнуть ее целиком.

Я позволила себе поплакать. Потом сложила платье и убрала в шкаф. Не выбросила, не отдала, не спрятала на дно. Оно было удобным, и я еще не знала, захочу ли его носить.

Внизу глухо стукнуло дерево. Я спустилась, ожидая увидеть очередную рухнувшую ножку, и застала Тею у кухонного стола. Перед ней лежали клещи, узкий молоток и три разогнутые скобы.

— Засов на задней двери плохой, — сказала она. — Я завтра займусь. И стойку для ведер сделаю, если у Доры есть подходящие доски.

— Есть. За сараем.

— Тогда договорились. Ты хотела утром к мастеру за списком материала?

— Хотела.

— Вот и сходи. Здесь я сама.

Я посмотрела на разложенный инструмент. До этого момента мне казалось, что дом стоит потому, что я без конца хожу по нему и придерживаю то дверь, то человека, то собственное решение. Теперь Тея собиралась починить засов, не нуждаясь даже в моем присутствии.

— Хорошо, — сказала я.

Она сдвинула молоток, освобождая место для моей чашки, и снова склонилась над скобой. Я села рядом и впервые за день ничего не взяла в руки.

Глава 3. Чужой волк

Мука не приехала ни к завтраку, ни к обеду. Дора ходила по дому с пустым мешком в руках, будто он мог как-то ускорить повозку. В конце концов я отобрала его и спросила, насколько хорошо она знала возчиков.

— Двадцать лет беру у них муку. Старший еще с твоей матерью цену сбивал. Они бы передали, если задерживаются.

— Могли остаться у мельницы. После дождя низину развезло.

— Могли. Но утром парень из Брода видел их на развилке. Они сказали, к полудню будут здесь.

Я вышла за ворота. Между мокрыми листьями уже подсыхала земля, но к северу, где дорога спускалась в ложбину, вода держалась дольше. Позавчера там осел край насыпи. Мы слышали об этом от кровельщика; он привез балки обходом и обругал дорогу столь подробно, что я хорошо запомнила место.

Возчики тоже могли пойти в обход. Старый путь тянулся ближе к лесу, потом сворачивал к двору. В детстве мы с матерью ходили там за грибами. Я попробовала вспомнить, когда сама была там в последний раз, и ответ мне не понравился: весной, до летних ливней.

Тея выслушала меня, положив ладонь на недоделанный засов.

— Сколько идти?

— До развилки минут сорок. Если следы есть, увидим, куда они свернули.

— Я с тобой.

— У Эрика...

— У Эрика сломана нога. Он не перестал быть взрослым. Дора здесь.

Она сказала это без резкости, но я все равно почувствовала, что опять пыталась решить за нее. Мы взяли воду, моток веревки, перевязочное полотно и маленький дорожный сторожевой фонарь, который Дора хранила в шкафу у выхода. Я проверила масло. Заряженный камень внутри горел тускло, едва различимо на солнце.

— Давно его проверяли?

— В конце лета, — ответила Дора. — Подзаряжали вместе с соседским. На ночь не хватит, на короткую дорогу — да.

Я сказала ей, куда мы идем, и попросила послать к хутору, если не вернемся до вечера. Она отвязала от вешалки мой плащ.

— Надень. К ночи похолодает.

В этих словах не было ничего особенного, однако я на мгновение прижалась лбом к ее плечу. Дора погладила меня по спине и сразу отпустила.

Первые полкилометра мы шли молча. Сырая земля пружинила, пахло опавшей ольхой. Тея несла веревку через плечо; молоток у нее на поясе тихо стучался о пряжку.

— Ты собираешься чинить повозку? — спросила я.

— Если сломалась. Если нет, пригодится пригрозить возчикам за то, что напугали твою тетку.

Я улыбнулась. Мазь помогла, но пятка еще отзывалась при каждом подъеме. Хотелось снять обувь, обернуться и пробежать дорогу на четырех лапах; пришлось напомнить себе, что вещи и светильник сами не побегут следом.

На развилке нас уже ждали.

Я узнала Радана раньше, чем он повернулся. На советах он казался выше остальных даже сидя; здесь, возле невысокой сосны, разница была заметнее. Темные волосы намокли, на плаще засохла широкая полоса глины. Рядом стояли трое дозорных, один держал под уздцы двух лошадей.

Радан посмотрел на меня, на Тею, на фонарь.

— Вы из Ольхового Двора?

— Элина Ровен. Вы получили мое письмо?

— Получил. Я собирался зайти к вам завтра.

Он сказал это ровно, без прежнего холодного приветствия, которым обменивался с Северином. Я вдруг заметила, что помню его голос лучше лица.

— Мы ищем повозку с мукой. Двое возчиков. Их ждали к полудню.

— Их ждали и на восточном хуторе. Там они оставили часть заказа и сказали, что идут к вам старой дорогой. По обычной не пройти с грузом.

— Значит, мы ищем одних людей.

Радан посмотрел на следы у края дороги.

— Вы знаете, сколько теперь людей живет между нашими дозорами?

Я не сразу поняла вопрос.

— Во дворе пятеро. Я написала.

— В письме было «пока пятеро». Северин уже спрашивал, не договаривались ли вы со мной заранее.

— И вы что ответили?

— Правду. Но мне надо понимать, что происходит у моей границы.

Тея переступила с ноги на ногу. Я сдержала желание ответить, что мой развод ничего общего с его границей не имеет. На самом деле появление людей касалось и дороги, и патрулей. Другое дело, каким тоном он об этом спрашивал.

— Мы можем поговорить об этом, когда найдем возчиков. Я не собираю людей против Северина. Семья Лоссов искала жилье, я его дала.

— А дальше?

— Дальше я просила встречи, чтобы не угадывать ваши намерения. Сейчас вижу колею, которую вы затоптали сапогами.

Один из дозорных кашлянул. Радан опустил взгляд, отступил в сторону.

— Покажите.

Я присела. В сыром песке отпечаталось широкое железное колесо с разрывом обода; Дора не раз жаловалась, что слышит эту повозку за полкилометра. Отпечаток уходил к заросшей дороге, но на первом повороте размывался водой.

— Они поднялись к старому навесу, — сказала я. — Здесь ниже не проехать, а выше есть каменная полка.

— Навес давно упал.

— Крыша упала. Задняя стена стоит, и снаружи есть место развернуть телегу. Мать оставляла там лошадь, когда мы ходили к выселку.

Радан несколько мгновений смотрел на меня. Потом повернулся к дозорным и коротко распределил людей: один назад, проверить ложбину; двое с нами. Лошадей оставили привязанными там, где было сухо. Он достал из переметной сумы еще один светильник, заметно больше нашего.

— Фонарь держите закрытым, пока не скажу. Его нужно беречь.

— Вы ждете одичавших? — спросила Тея.

— На рассвете нашли след к югу от огней. Один. Возможно, старый.

Возможно. Я посмотрела на лес и вдруг иначе увидела темные промежутки между деревьями. Северная чаща начиналась далеко за сторожевой линией, но рассказы о тех, кто слишком долго жил под ее проклятием, мы слышали с детства. Это не были обычные волки и не были люди, которые просто ушли из стаи. Одичавшие теряли речь, память, способность возвращаться к себе. Иногда в них еще угадывалось человеческое — и от этого встреча становилась страшнее.

— Если увидите, не бегите поодиночке, — сказал Радан. — Держитесь света. Назад пойдем вместе.

Я поправила ремень фонаря. В волчьем облике искать было бы легче, зато не удалось бы ни держать свет, ни перевязать раненого. Пришлось идти в промокших башмаках.

Мы поднялись по старой дороге. Тея шла рядом со мной, дозорный впереди раздвигал мокрые ветки копьем. Другой держался справа, то исчезая за стволами, то появляясь снова. Радан двигался позади; я не видела его, но слышала редкий хруст гравия под сапогом.

Колея стала глубже. У одной из рытвин валялась разорванная мешковина. Мука размокла, превратившись в белесый ком. Я потрогала край: еще мягкий, не успел подсохнуть.

— Недавно, — сказала я.

Радан подошел ближе и присел на одно колено. На глине возле мешка сохранился отпечаток лапы, слишком широкий для здешних обычных волков. Он осмотрел его, потом поднял голову к ветру.

Я тоже почувствовала запах: мокрая шерсть, испорченное мясо и что-то кислое, от чего свело зубы. Он был слабым, но не старым.

— Откройте фонарь, — велел Радан.

Я повернула заслонку. Бледный свет вырезал узкий круг под ногами. Тея встала ближе. Мы больше не разговаривали.

Первой я услышала лошадь. Короткий хриплый звук донесся слева, из-за стены орешника. Дозорный поднял руку. Ветки качнулись, и мы увидели повозку, завалившуюся одним колесом в канаву. Передок торчал вверх; оглобля была сломана. Лошадь, привязанная к дереву, переступала мелкими шагами, не решаясь отойти от мешков.

За каменной стеной кто-то закричал:

— Сюда! Мы здесь!

Молодой возчик стоял в проломе, выставив перед собой вилы. У его ног горел огарок обычной свечи, бессильный против того, что скрывалось в лесу. Старший лежал под обломком навеса, прижимая ладонь к бедру. Полотняная повязка насквозь пропиталась кровью.

Я сделала шаг к нему, но Радан удержал меня за предплечье.

— Сначала свет.

Его пальцы лежали поверх рукава, твердо, без боли. Я остановилась. Дозорный поднял большой фонарь и подошел к стене; только тогда Радан отпустил меня.

Старший возчик попробовал улыбнуться.

— Дора ругается?

— Очень, — сказала я, опускаясь рядом. — Поэтому придется вам вернуться и все выслушать.

Я разрешила штанину. Рана была глубокой, но кровь уже не била толчками. Я умела останавливать кровотечение, промывать и накладывать повязки; сейчас этого должно было хватить до человека, который понимал больше. Тея поддержала раненого за плечи, пока я туго стягивала полотно.

— Нogu не сгибать, — сказала я. — Тея, можешь найти две ровные доски? Не для шины, просто чтобы переносить и не трясти.

Молодой возчик заговорил торопливо. Колесо соскользнуло, они разгружали мешки, когда из кустов выскочил зверь. Старший успел ударить его железным крюком, но тот вцепился в ногу. Потом пришел второй. Их маленький сторожевой светильник разбился при падении с телеги, осталось несколько горящих крошек заряженного камня; возчик собрал их в чашку. На них и держались, пока свет не погас.

— Они опять придут? — спросил он.

Радан стоял у пролома, всматриваясь в лес.

— Мы уйдем раньше.

Он произнес это так уверенно, что я едва не поверила. Потом увидела, как напряглись его плечи.

Серая тень отделилась от орешника. Зверь шел низко, прихрамывая на переднюю лапу. Шерсть на шее свалилась, между клыками застряло что-то темное. Он остановился у границы света и оскалится. Один клык был обломан, темная губа над ним не закрывалась.

Молодой возчик попятился. Я удержала его за пояс.

— Не отходите. Здесь свет.

Одичавший качнул головой, словно прислушивался к моему голосу. На мгновение мне показалось, что он понимает. Потом он ударил лапой по земле и прыгнул.

Радан встретил его древком копья. Зверь откатился, взвизгнув, когда свет коснулся морды, и исчез за стеной. Дозорный справа крикнул, что второй обходит навес.

— У вас сколько масла? — спросил Радан, не поворачиваясь.

— На час, может, меньше.

— До двора хватит?

Я оглянулась на путь, которым мы пришли. Выводить по колее человека на носилках было нельзя: рытвины, мокрый откос, поваленные ветки. Но за навесом проходила старая насыпь. Если она сохранилась, можно было подняться на Сухую тропу.

— Есть другой путь. Минут сорок с грузом до развилки, потом спуск к нашему саду. Надо проверить первые двадцать шагов.

Радан посмотрел на меня.

— Ты уверена?

Он впервые сказал «ты», и я заметила это совсем не вовремя.

— В направлении — да. В состоянии тропы — нет. Я была весной.

Он кивнул дозорному. Тот быстро ушел за заднюю стену, держа фонарь перед собой. Тея уже связала доски с поперечинами, а младший возчик снял с телеги брезент. Мы натянули его поверх, проверили узлы. Раненый застонал, когда его подняли, но сразу сжал зубы.

— Можно стонать, — сказала я. — Доски от этого не развалятся.

— Людей жалко пугать.

— Мы уже напуганы. Не старайтесь за нас.

Он закрыл глаза и все-таки выдохнул громче. Тея посмотрела на меня через его плечо; на ее лице было выражение, которое я не успела понять.

Вернулся дозорный. Насыпь держалась, дальше он видел старый каменный знак. Радан достал из сумки свернутый плащ и протянул мне.

— Неси с остальным. Я пойду сзади в волке.

Я взяла сверток. Он оказался теплым от его тела. Радан скрылся за стеной; через короткое время оттуда вышел большой черный волк со светлым пятном на груди. Мне приходилось видеть его издали на общих охотах, но так близко — впервые. Он был широколапым, тяжело сложенным, а взгляд светло-карих глаз оставался вполне человеческим.

Я отвернулась к носилкам раньше, чем он заметил, как долго я смотрела.

До насыпи было всего несколько десятков шагов, но подняться оказалось трудно. Дозорный и молодой возчик несли раненого, Тея шла сбоку и придерживала доски, чтобы их не качнуло. Я смотрела под ноги и указывала, куда ставить сапог. Фонарь висел у меня на вытянутой руке. После пятого шага рука начала дрожать, после десятого я поняла, что долго так не выдержу.

— Выше не поднимай, — сказал дозорный. — Им к земле страшнее подходить. Нам главное — ноги и края носилок.

Я опустила фонарь. За спиной зашуршало, и черный волк коротко рыкнул. Из орешника ответили.

На насыпи земля была тверже. Когда-то дорогу подняли над топиями, укрепили камнем и осадили по краям деревьями. Телеги здесь давно не ходили: в нескольких местах корни прорвали покрытие, а мосток через ручей мог выдержать только человека. Но вода стекала в канавы, не задерживаясь под ногами. Потому тропу и называли Сухой, хотя в осеннем лесу сухость была довольно условной.

Я узнала камень с двумя косыми зарубками. В детстве мать велела мне искать его, если случайно отстану. За ним надо было повернуть направо, к ольшаннику, а не продолжать путь на север.

— Сюда, — сказала я.

— Дальше прямая дорога, — возразил возчик.

— Прямая идет к выселку. Нам в другую сторону.

Он хотел что-то спросить, но носилки дернулись, раненый вскрикнул, и разговор оборвался.

Мы шли медленно. Я вслушивалась в дыхание людей за спиной и пыталась понять, сколько осталось масла. В стекле мерцал бледный огонь, заряд камня держался ровно, но это ничего не говорило о времени. Сзади иногда раздавался хруст веток. Радан не лаял, не рычал без нужды. Один раз я оглянулась и увидела, как он остановился боком к тропе, закрывая проход между деревьями. За ним мелькнула серая спина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.